

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

В статье дан краткий экскурс в историю развития речевого жанра, рассматриваются условия и структурно-семантические особенности формирования такого риторического жанра, как молитва.

Ключевые слова: жанр, публичная речь, корневое гнездо лексемы «молитва», кондакарный стих.

V.N. Rudnev

VOCAL GENRES

The article gives brief excursus into the history of vocal genre. Condition and structural-semantic features of the rhetorical genre as prayer are examined.

Keywords: genre, public speech, root nest lexemes of “prayer”, “kondakar” verse.

Французское слово «жанр» (genre) переводится на русский язык как «род, вид». Понятие жанра как устойчивого типа художественного произведения присутствует в большинстве видов искусства. Например, в живописи выделяют жанры: портрет, пейзаж, анималистику, батальный жанр, натюрморт. Традиционно считается, что именно филология предложила наиболее четкую классификацию жанров. Например, в литературоведении уже в течение нескольких веков стабильно выделяются жанры: роман, повесть, рассказ, стихотворение, поэма.

Речевые (или языковые) **жанры** – понятие, введенное в научный оборот русским философом, литературоведом и теоретиком искусства **М.М. Бахтиным** (1895–1975). Для него это «типическая форма высказывания», соответствующая «типическим ситуациям речевого общения», обладающая «типической экспрессией» и различающаяся среди иных по теме, по композиции, по стилю [8, с. 208]. Речевые жанры рассматривают лингвисты и литературоведы. Для лингвистов – это «устойчивые в данную эпоху типы совмещения в одном тексте окрашенных языковых единиц» [9, с. 29]. Современным определением речевых жанров (правда, весьма общим) можно считать такое: «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [12, с. 208]. Литературоведы говорят об истори-

чески продуктивном типе высказываний, которые реализуют определенную коммуникативную стратегию текстопорождения, которая связывает субъекта речи (того, к кому она обращена) и объекта речи (говорящего) [8, с. 208].

Жанровая классификация досталась нам от эпохи классицизма, родиной которого является Франция (не случайно слово «жанр» – французского происхождения). Никола Буало в конце XVII века в трактате «Поэтическое искусство» сформулировал строгую иерархию жанров. Высокие жанры – это трагедия, эпопея, оды, в живописи – исторические, религиозные и мифологические жанры. Их героями являются полководцы, монархи, мифологические персонажи. В литературе и искусстве мы постоянно сталкиваемся с образом Юпитера – бога неба, дневного света, грозы в римской мифологии. Юпитер – неперменный спутник торжествующих полководцев-победителей. Низкие жанры в искусстве и литературе – это комедия, сатира, басня. В живописи – пейзаж, портрет, натюрморт. Таким образом, классицисты ставили общественную, государственную, политическую жизнь выше частных повседневных будней. Ни в коем случае не допускалась эклектика жанров, то есть их смешение. Ведущим жанром была трагедия [6]. Русский советский литературовед **В.Б. Шкловский** (1893–1984) очень точно заметил, что жанр – это определенная система. «Системы эти не случайны, они вырабатываются столетиями и представляют своеобразные функциональные объединения, части которых соединены

¹ Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания НОУ ВПО «Российский новый университет».

проторенными, установленными, легко проходимыми путями» [15, с. 140].

Такой системой является, например, **публичная речь**. Она организуется в форме монолога, то есть сложно построенного, развернутого и длительного высказывания, обращенного ко многим, к обществу (монологический речевой обмен в условиях массового общения). Монологическая форма общения реализуется в условиях непосредственного обмена (речь устная) или опосредствованного (речь письменная): через книгу, газету, журнал, Интернет и пр. Она противоположна разговорной речи – обмену более или менее несложными и короткими репликами (отдельными фрагментарными высказываниями) двух или нескольких собеседников. Устная публичная речь предполагает особую организацию общения, а именно «собрание» – непосредственное наличие коллектива слушателей-собеседников. Разновидность публичной речи – **ораторское выступление**.

Современные филологи определяют ораторское выступление как монологическое высказывание устной формы. Его виды: критическое, агитационное, приветственное. В ораторских выступлениях большую роль играют средства эмоционально-экспрессивного плана, так как основная их задача – воздействовать не только на ум, но и на волю и чувства слушателей. В этих высказываниях широко употребляются языковые средства оценочного характера. В интонационном плане характерны средний темп речи, эмоциональные паузы, контрастность произношения.

Мы живем в век доминирования средств массовой коммуникации. Радио и телевидение повсеместно вошли в нашу жизнь. Многие жанры радио- и телепублицистики (беседы, интервью, диспуты) являются своеобразными формами ораторского выступления. Например, *жанр радиопьесы*, где зрительный образ создает не только голос актера, но и звуковой фон: музыка, различные шумы (мотор работающей машины, хлопок дверью и т.п.). Здесь будет уместным вспомнить творчество мастера художественного рассказа **И.Л. Андроникова** (1908–1990). С 1935 г. он выступал с собственными устными рассказами, в которых воссоздавал портреты писателей, артистов и др., часто юмористически окрашенные. Его радио- и телепередачи представляли настоящий «театр одного актера». Многомиллионная аудитория с волнением слушала и смотрела рассказы И.Л. Андроникова, посвященные изучению жизненного и творче-

ского пути М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина и др. русских писателей¹.

Традиции «театра одного актера» продолжил советский актер **Л.А. Филатов** (1946–2003). Классикой жанра стало чтение автором собственной сказки «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

В настоящее время телевизионный канал «Культура» демонстрирует цикл передач «Чтения. Уроки русского». В нем зрителей знакомят с классическими произведениями русской литературы: например, актер **М.А. Ульянов** (1927–2007) читал поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души», народная артистка РСФСР Ольга Аросева читает рассказы Надежды Тэффи.

Актуальность проблемы становления и развития речевых жанров привела к тому, что появилась смежная отрасль знания – **жанроведение** (генристика). Здесь можно говорить о синтезе научных поисков филологов, культурологов, искусствоведов. Например, очевидно, что в ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь, эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления [12, с. 112]. Разговор о специфике речевых жанров следует вести в контексте таких актуальных вопросов, как языковое поведение личности и общества, языковая мода, языковая среда, речевая толерантность и языковая агрессия.

Новая риторика только начинает заниматься изучением современных речевых жанров. Исследователи предлагают выделять жанры риторические и нериторические. «Риторическая разновидность жанровых форм предполагает наличие у языковой личности осознанных умений и навыков в области языкового оформления высказывания в соответствии с ситуацией общения, сходных с принципами построения художественных текстов (эстетика словесного творчества), деловых и научных [текстов. – Авт.]» [12, с. 114]. В этой связи уместно вспомнить о таком понятии, как «кондакарный стих» (от кондакарь – *сборник молитв*). Иначе говоря, это ритмизированная речь молитвы, под влиянием которой долгое время на-

¹ Чтобы составить представление о языке и стиле выступлений этого удивительного человека, рекомендуем обратиться к Интернет-сайтам: iraklij.andronikov.rasskazyvaet.avi; <http://1lastochka.livejournal.com>; <http://audiobooks.ds8.ru>.

ходилось древнерусское красноречие [13, 191]. Обратимся к молитве как традиционному риторическому жанру и попытаемся определить, насколько он изменился, функционируя в качестве речевого произведения в современных коммуникативных условиях.

В Словаре В.И. Даля читаем: **молить** – *просить смиренно, покорно и усердно*, а **молитва** – *самое содержание, суть просьбы*. В качестве однокоренных слов приводятся лексемы: **моление**, **моленная** (*особая комната в доме для молитвы*), **молеельня**, **молеельница**, **молитвословить**, **молебен** и др. [5, 341–342].

В Словаре языка Пушкина встречаем следующий семантический ряд: **молебен**, **молебный** (прилагательное к *молебен*), **молебствие** (то же, что *молебен*), **моленье**, **молитва**, **молитвенник** (*книга-сборник молитв*), **молитвенный**, **молить**, **молиться** [10, с. 610–612]. При этом молитва означает: во-первых, *установленный, принятый Церковью текст обращения к Богу*; во-вторых, *просьба, обращение к Богу, божеству*. В качестве примера к первой дефиниции приводится фрагмент стихотворения поэта «Отцы пустынники и жены непорочны...»

Этимолог Преображенский отмечает, сопоставляя значение слова «молить» с литовским («просить»), греческим («мягкий», «нежный») его эквивалентами, что «основное значение – делать кого-либо мягким, добрым» [14, с. 539]. Советский ученый П.Я. Черных считает, что старшее значение глагола **молить** – это *возвещать, возглашать, обращаться к божеству с возвещением* [14, с. 539].

В языке советской эпохи лексико-семантический ряд однокоренных слов понятия «молитва» стабилен: **молеельня**, **молеельщик**, **молеельщица**, **моление**, **моленная** (молеельня у сектантов), **молитва**, **молитвенник**, **молитвенница**, **молитвенный**, **молить**, **молиться** [17, с. 397–398]. Аналогично и в словарях 70–80-х годов XX столетия [18, с. 289–290].

Итак, **молитва** в этот период означает: во-первых, *обращение к Богу, святым, сопровождаемое чтением определенных текстов*; во-вторых, *установленный текст, произносимый верующим при обращении к Богу, святым, а также при религиозных обрядах*.

Используя классификацию четырех типов монологической речи В.В. Виноградова (монолог убеждающей окраски, монолог лирический, мо-

нолог драматический, монолог сообщающего типа), можно согласиться, что речевой жанр молитвы относится, во-первых, к монологу убеждающей окраски [2, с. 38]. Ведь молитва пришла к нам из глубокой древности. Еще в дохристианскую эпоху люди слагали хвалебные песни богам воды, огня и т.д. Во-вторых, молитва – монолог лирический – это *речевая форма изъяснения переживаний и эмоций* (В.В. Виноградов). Здесь уместно привести текст православной молитвы:

*Господи и Владыко живота моего,
дух праздности, уныния, любоначалия
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любви, даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя
прегрешения
и не осуждати брата моего,
яко блажен еси во веки веков, аминь*
[7, с. 113].

Автор молитвы – Ефрем Сирин, сирийский христианский писатель III века. Ее текст каноничен. Он принят за образец, в таком твердо установленном варианте верующие произносят данную молитву уже несколько столетий.

В-третьих, молитва – монолог драматический – это, по В.В. Виноградову, «сложный вид речи, в которой язык слов является лишь как бы аккомпанементом другим системам психических обнаружений». Представим чтение этой или другой молитвы, сопровождаемой пением церковного хора, возгласами священнослужителей. Это уже драматическое прочтение канонического текста. «Монолог драматический», как пишет В.В. Виноградов, ближе всего к диалогу, к непосредственной связности фразовых единиц с мимико-жестикационными сообщениями, с телодвижениями. Он как бы разыгрывается «в действии», «путем мимики, жестов, пластических движений» [2, с. 38]. Оратор, проповедник, мастер художественного слова, чтец – это всегда актер. Каждый из нас может вспомнить, как то или иное произведение любого речевого жанра (молитва, стихотворение, даже газетная статья) наполнялось смыслом после того, как оно прозвучало в исполнении другого человека, мастера слова, чтеца.

В 1836 году поэт А.С. Пушкин написал стихотворение:

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем взлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь
и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Данное стихотворение как лирический жанр было неоднократно исследовано литературоведами [4, с. 172–185]. Текст молитвы Ефрема Сирина, читавшийся в церкви в среду и пятницу Великого поста, был хорошо известен А.С. Пушкину, чело- веку православной культуры.

Выдающийся отечественный филолог **Г.О. Ви- нокур** (1896–1947) отмечал: «Проблемы культуры языка сводятся к тому, чтобы овладеть принципами построения различных типов и жанров речи в рамках заданной социальной традиции» [3, с. 27]. Это значит, что речевой жанр (например, молит- вы) опирается на определенную традицию, о чем мы и сказали ранее.

Известно, что в XX веке происходит отход от жанрового мышления, характерного, например, еще для людей XIX столетия. Языковая эклекти- ка становится, пожалуй, главной экстралингви- стической характеристикой жанроведения (ген- ристики).

Границы жанра становятся все более расплыв- чатыми, происходит соединение в одном произ- ведении характерных черт принципиально раз- ных жанров («черная комедия», «смешная траге- дия» и т.д.). В нашем случае примером может слу- жить текст «Олимпийской молитвы», составлен- ный современным журналистом Дмитрием Быко- вым¹. Сам автор говорит о поводе создания тек- ста: «Леонид Тягачев, глава Российского олим- пийского комитета, попросил болельщиков о мо- литвенной помощи для российской сборной. Его просьба была встречена с энтузиазмом: священ-

¹ Режим доступа: <http://www.ogoniok.com/archive/2004/4862/35-54-54/>

ник Михаил Дудко сказал даже, что во дни Олим- пийских игр спортсмены могут быть приравнены к православному воинству, защищающему честь России. Это отлично согласуется с известным вы- сказыванием де Кубертена: «О спорт, ты мир». Существенной проблемой для многих болельщи- ков, немедленно закупивших в должном количе- стве свечи и кадила, стало отсутствие в право- славных молитвословах специальной молитвы о даровании победы на Олимпийских играх. «Ого- нек» пытается восполнить этот возмутительный пробел. Ниже предлагается образец Олимпийской молитвы для массового произнесения ее болель- щиками как вслух, так и полупрошепотом в минуты особенного душевного волнения».

Текст «Олимпийской молитвы» Дмитрия Бы- кова:

Господи Боже сил, Боже спасения нашего, призри на рабы твои человеколюбно и услыши мольбы наши, победы ради нашея сборныя, от- борныя и упорныя, и ея присныя в количестве по- лутора тысяч человек, с нею плавающие и путе- шествующия, ядаща и пияша. Се бо зри супоста- ты наши, америкаподданския и китайския, обло, озорно и лайй, хитрыя и коварныя, замыслише восстати на наша и отобрати медали наша золо- тья и серебряныя, не брезгуяше такожде и брон- зовыми. И прыгаша, и бегаша, и плаваша, и ныря- ша и в высоту, и в глубину, глумяся над святыни наша и поругаше наш образ жизни, приговаривая вслух: о'кей, о'кей, глаголю вам, оставил их Бог и не имут ВВП.

Ты бо еси Бог спортсменов и соревнователей, подавший победу Моисею над фараоном, Юдифи над Олоферном и Сам бо Сатану в честном бок- серском поединке низвергнувший в нокаут глу- бокий и смрадный! Господи Боже сил, подате- лю всех благ и бабок, и престижа, и рекламного времени! Господине халявы спортивныя и около- спортивная, зри нас от державной гордости наду- вающешся и обидою на весь свет переполняшеся, от допинг-контроля терпяша и арбитрам лукавым преданниих на поругание. Подай победу плаваю- щим стилем вольным и невольным, гребущим четверно и попарно, бегущим и спортивно ходя- щим, прыгающим при посредстве шеста и без оного, ядро толкающим и диск метающим диско- больно; подай стреляющим меткости ястребиныя и злости спортивныя, как если бы метили они не в мишень афинскую, но в глаз идолица погано- го, или пусть ладно в мишень, но тогда за очень

большие деньги. Аще же кто сокрыти допинг восхочет, то и пусть себе сокроет, потому что на такие ли вещи, Господи, смотришь ты сквозь пальцы для государственной пользы. Будь же заступником прыгунам в длину, и не дай им заступити; дай гибкости повышенныя для секс-символа русския Кабаевой и смирения для доверенныя лица Хоркиной, чтобы не теряла она свое доверенное лицо. Тем же, Господи, кто засудил Немова, сделай так, чтобы не забыли они лица того Немова, чтобы и в страшном сне, и в забавах греховных являлось им лицо того Немова, от супостатов претерпевшего глумление и муки непереносные, и чтобы от лица того Немова свет погасал в глазах их и зубы выбивали Государственный гимн Российской Федерации.

Воздай, Господи, венцы нетления для стрелки наша и фехтовальщики, дзюдоисты одорукия и борцы мускулистыя, бобслеисты зимния и горнолыжники государственныя, потому что не в одних только Афинах языческих случаются соревнования, и не только летом хочется нам поездити.

Отврати, Господи, сугубо временно, седмицы хотя бы на две, взор Свой от православного воинства, от болящих, страждущих и жаждущих, нищих духом, голодных брюхом – потому что от них уже все равно никакого толку, а от нашия православныя олимпийския сборныя по крайней мере международный престиж; остави временно коммерсантов, банкиров, а журналистов можно и вообще, и обрати взор свой на наши ряды спортивныя, в тяжкой борьбе изнемогающа, поруганная и несчастная, засуженная и обобранная, точно отражающая положение и нравы Отечества, и дай им медаль золотая, и серебряная, и шоколадная, ныне и присно и вовеки веков, бросок, гол!

К какому речевому жанру можно отнести данный текст? С одной стороны, это молитва. Ведь молитва – жанр конфессионального общения, словесное обращение человека к высшим силам. В ее композиционной структуре можно различить основные компоненты: личное обращение, изложение предмета и оснований (просьба, благодарность или прославление) [2, с. 332–333]. С другой – очевидна авторская ирония, которая сквозит во всем тексте. Используемые в тексте **архаизмы** (устаревшие слова) выполняют функцию создания сатирического и комического эффекта. Весь

текст есть не что иное, как **стилизация**, то есть стилистическое подражание древнерусскому речевому жанру молитвы. Полагаем, по форме этот текст – молитва, а по сути – ораторское выступление журналиста, стремящегося показать абсурдность ситуации, сложившейся в нашем спорте. Как видим, для человека XXI века речевой жанр молитвы может служить способом комической оценки окружающей его действительности.

Полагаем, что тема жанрового своеобразия нуждается в дальнейшей разработке. Интересен жанр журналистского расследования, широко распространенный в языке современных СМИ. Новым является речевой жанр «фэнтэзи», пришедший к нам из англоязычной культуры и активно осваивающий языковое пространство России. Официальность и неофициальность обстановки общения, тональность общения, экспрессивностистилистическая характеристика единиц общения – эти и другие языковые моменты должны стать органической частью современного представления о речевых жанрах, отражающих нормативное языковое поведение человека, живущего в новом тысячелетии.

Литература

1. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы : избр. труды. – М., 1980.
2. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981.
3. Винокур, Г.О. Культура языка. – М., 2006.
4. Григорьева, А.Д., Иванова, Н.Н. Язык лирики XIX в. : Пушкин. Некрасов. – М., 1985.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. – М., 2005. – Т. 2.
6. Егоров, П.А., Руднев, В.Н. Основы этики и эстетики. – М., 2010.
7. Молитвослов. – М. : 1995.
8. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Томарченко. – М., 2008.
9. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1999.
10. Словарь языка Пушкина : в 4-х тт. – М., 1957. – Т. 2.
11. Формановская, Н.И. Русский речевой этикет : лингвистические и методические аспекты. – М., 2008.
12. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – М., 2009.

13. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь. – М., 2009.
14. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2-х тт. – М., 1993. – Т. 1.
15. Шкловский, В.Б. Повести о прозе : размышления и разборы. – М., 1966. – Т. 2
16. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский. – М., 1910–1914. – Т. 1.
17. Словарь русского языка : в 4-х т. – М., 1958. – Т. II.
18. Словарь русского языка : в 4-х т. – М., 1986. – Т. II.
19. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.